

3. Cook Guy. Discourse and Literature / Guy Cook. – Oxford: Oxford University Press, 1995.

4. Harbison R. Reflections on Baroque / R. Harbison. – L., 2000.

5. Eliot T. S. The Metaphysical Poets, Selected Essays / T. S. Eliot. – L.: Faber, 1991.

6. Parfitt G. English Poetry of the Seventeenth Century / G. Parfitt. – L.: Longman, 1992.

7. Sanders Wilbur. John Donne's Poetry / Wilbur Sanders. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971.

Надійшла до редколегії 7.11.2012 р.

УДК 820

Е. Ю. Вечканова

Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського

КОНЦЕПЦИЯ СЛОВА В ПОЭМЕ Д. МИЛЬТОНА «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ». КТО ДАЕТ ИМЕНА ВЕЩАМ?

Розглянуто жанрову своєрідність поеми Д. Мільтона «Втрачений рай» та особливості історичного моменту її створення.

Ключові слова: жанр, концепція образу, рай, милосердя, божественний, класифікація гріхів, У. Блейк, С. Т. Кольрідж, Дж. Г. Байрон, А. Данте.

Рассмотрены жанровое своеобразие поэмы Д. Милтона «Потерянный рай» и особенности конкретно-исторического момента её создания.

Ключевые слова: жанр, концепция образа, милосердие, божественный, классификация грехов, У. Блейк, С. Т. Кольридж, Дж. Г. Байрон, А. Данте.

The article deals with the genre peculiarity of the J. Milton's poem «Paradise lost» and specifics of its historical moment of creation.

Key words: genre, concept of the character, mercy, divine, classification of the sins, W. Blake, S. T. Coleridge, J. G. Byron, A. Dante.

Слова не желают и не могут поступать в полное наше распоряжение. Бывает такая духовная сфера, которая хранит сама себя, которая умеет хранить себя от человека, которая в отличие от овеществленных знаний, книг, всяких прочих культурных достояний не дается до конца в руки человеку. Будь все иначе, человек, вне всякого сомнения, поступил бы со словом точно так же, как поступает он со зданиями, картинами и книгами, вообще со всяким достоянием, которое оказывается в его руках, в его распоряжении, – он растрепал, исковеркал, испоганил бы слово, подверг его всем мыслимым и немыслимым унижениям, уничтожил бы все, что бы только захотел. Он именно это, впрочем, и производит со словом – однако лишь по мере своих возможностей, лишь по мере того, насколько он допущен к слову и в слово. Итак, есть духовная сфера, которая умеет хранить сама себя, и эта сфера есть слово. На него мы и можем возлагать всю свою надежду, при этом крепко задумываясь над тем, откуда же берется в слове эта неприступность, это его самовольное самостояние. Сберегая свою духовность, мы можем с надеждой воззреть на Слово, являющее нам пример крепости.

Именно ключевым словам культуры принадлежит, прежде всего, такая способность сохранять себя в неприступности и непритронутости.

Слово в поэме становится самостоятельным персонажем. Принадлежит Богу, оно, как и Свет, является его атрибутом. В VII книге Архангел Рафаил

рассказывает Адаму о том, как Бог Словом творил мир, одновременно давая имена важнейшим вещам и явлениям:

«Let there be light!» said God; and forthwith light
Ethereal, first of things, quintessence pure,
Sprung from the deep, and from her native East
To journey through the aery gloom began,
Sphered in a radiant cloud – for yet the Sun
Was not: she in a cloudy tabernacle
Sojourned the while. God saw the light was good;
And light from darkness by the hemisphere
Divided: light the Day, and darkness Night,
He named. – VII, 243 -252.

Таким образом, оказывается, что Божественное творящее Слово качественно отличается от имени, дающегося вещи, – того слова, которое даруется Богом разумным существам и в том числе Человеку. Архангел объясняет Адаму словами, как создавался мир, но его слова в отличие от Божественного Слова не творят, а лишь описывают сотворение. При этом Архангел признает, что словом, данным Человеку и понятным Человеку, невозможно описать ту мощь, которой обладает Божественное Слово, ту связь, которая существует между Словом Творца и называемым им предметом или явлением. Ни числом, ни словом нельзя описать ту скорость, с которой Слово обращается в предмет или явление:

The swiftness of those circles attribute,
Though numberless, to his omnipotence,
That to corporeal substance could add
Speed almost spiritual. – VIII, 107 -110.

Об этой же внезапности (*sudden apprehension* – VIII, 354) говорит Адам, рассказывая о том, как в него входило понимание вещей при знакомстве с миром. И так же, как Архангел, Адам утверждает, что не все божественное может быть выражено словом: Адаму дано ощущать счастье бытия, но не дано выразить свое состояние в слове (*I... fell that I am happier than I know.* – VIII, 282).

Та же трудность возникает, когда Архангелу нужно рассказать по просьбе Адама о битве Небес с полчищами Сатаны:

how shall I relate
To human sense th* invisible exploits
Of warring Spirits? – V, 564 – 566.

Мильтон заставляет Архангела найти выход в сравнениях – поэтическом приеме, активно разрабатывавшемся поэзией средневековья и Возрождения. И использовать при этом знакомое и отработанное обоснование:

what surmounts the reach
Of human sense I shall delineate so,
By likening spiritual to corporal forms,
As may express them best –though what if Earth
Be but the shadow of Heaven, and things therein
Each to other like, more than on Earth is thought? – V, 571-576.

Разделение Слова на Божественное и Человеческое, видимо, служило воплощению общего замысла Творца, который умышленно отделил Небесное от Земного для того, чтобы, по словам Рафаила, не искушать Человека и пресекать его самонадеянность в стремлении к пониманию того, что им не может быть осознано:

God, to remove his ways from human sense,
Placed Heaven from Earth so far, that earthly sight,
If it presume, might err in things too high,
And no advantage gain. – VIII, 119 -122.

Архангел говорит Адаму о том, что мудрость состоит в том, чтобы «Не отравлять / Тревожным суесловием услад / Блаженной жизни, от которой Бог / Заботы и волненья удалил, / Им повелев не приближаться к нам, / Доколе сами их не привлечем / Мечтаньями пустыми и тщетой / Излишних знаний». «Суетная мысль, / Неукротенное воображенье» [1, 11] – вот что мешает Человеку быть счастливым. Рафаил пытается научить Человека правильному обращению со словом. И основой его поучения становится совет не ставить перед собой ненужных вопросов.

Придя с поручением ответить на вопросы Адама, некоторые сведения о строении мира Архангел передает в вопросительной форме, как догадку, которую стоит осмыслить, додумать:

What if the Sun
Be centre to the World, and other stars,
By his attractive virtue and their own
Incited, dance about him various rounds? – VIII, 122-125.

Творец не только одаривает Человека словом, но и доверяет ему право давать названия вещам. Знание имен вещей не всегда является гарантией знания сути, постижения истины. Вспомним о том, что Архангел Михаил считал более важным понимание Человеком необходимости добровольной подчиненности Божественному началу, чем умение называть по именам звезды и миры:

This having learned, thou hast attained the sun
Of wisdom; hope no higher, though all the stars
Thou knew'st by name, and all th' ethereal powers,
All secrets of the deep, all Nature's works,
Or works of God in heaven ... – XII, 575 -579.

Но порой имя приоткрывает суть явления, дарует понимание истины. Так, рассказывая о том, как Адам должен стремиться к искуплению и выстраивать Рай в своей душе, Архангел Михаил объявляет, что сделать это можно с помощью Любви. Это не любовь к себе, не любовь к женщине, и не любовь к жизни, а скорее, любовь к своим обязанностям – способности помогать, облегчать жизнь близких и радовать их. На слух Charity созвучно слову Cherubim (херувим – евр. Kerubim – ангел-страж). Стать стражем жизни, ангелом-хранителем своих близких – участь, достойная Человека, – вот о чем говорит суть слова, не равного слову Love, у которого есть свой круг употребления. Слово созвучно и с греч. «хариты», значение корня слова то же – «милость», «доброта».

Судьба Слова в поэме драматична. То слово, которым одарены Творцом разумные существа, принадлежит ангелам, в том числе и падшим.

Говорящий Сатана – особо драматичная фигура, принципиально отличающаяся от Дантевского Люцифера, страшного, но бессловесного. Люцифер у Данте лишен Божественного атрибута – слова, хотя в изображенном им аде возможен Свет и огни, которые отсутствуют в Мильтоновском царстве Тьмы. Когда падшим ангелам удастся осветить дворец Сатаны, они разжигают искусственные огни – чадающие и зловонные, не имеющие отношения к Божественному Свету. Но все падшие ангелы наделены даром слова, и вся глубина их падения выражена в слове, в решимости играть им, обращая его во зло. Именно игра словом составляет суть трагедии падения, и, именно играя словом, падшие ангелы утверждают в грехе, оправдывая себя в своих собственных глазах.

Мильтоном оказывается решенной и более сложная задача. Ему удастся выявить и продемонстрировать особые свойства Слова:

1. Оставаясь по своей природе Божественным, Слово не может лгать. Используемое для Лжи Слово проговаривается Правдой. Словом нельзя обмануть разумное существо помимо его собственной воли, его собственного желания быть обманутым.

2. Слово может быть использовано во зло. Им можно подтолкнуть к Сомнению, которое собьет с пути Веры. Слово, использованное для Лжи, непременно порождает все новую и новую Ложь. Однажды послужив Лжи, Слово начинает менять концепцию мира и творить новый, ложный мир, в котором меняются все устои и понятия.

Мильтон творит и разрабатывает миф о Божественном Слове и чувствует себя принадлежностью этого мифа. В поэме возникает образ автора – служителя Божественного Слова. Свидетельством тому использование в Прологе поэмы одического мифа о поэтическом восторге. Автор ищет боговдохновенности не в молитве и не в медитации. Он обращается к Небесной Музе и заручается поэтической традицией, осознает свою причастность к ней и тем самым распространяет на любое поэтическое слово такие качества, как истинность и правдивость.

Нечто парадоксальное возникает в тексте поэмы, когда, рассказав с высоким поэтическим мастерством в VI книге о битве Небесных ратей с полчищами Сатаны, в начале IX книги Мильтон заявляет: «Наклонности мне не дано описывать войну» (Not sedulous by nature yo indite / Wars. – IX, 27 – 28). И в этом выражается не неумение взглянуть на свое произведение как на завершенное целое и свести воедино отдельные прописанные части. Так появилась неукоснительная потребность четко обозначить наиболее важную тему поэмы: не битва в ней главное, не открытое противостояние. Определяя свою поэму как героическую, Мильтон отделяет себя и свое творение от традиционных героических поэм, для которых «единственным досель предметом» воспевания были воинские подвиги. Главное для автора суметь сказать о внутреннем величии, заключающемся в способности не лгать самому себе. Таковым обладает Сын Творца, который не задумываясь предлагает свою жизнь в обмен на спасение Человека. За его верой в то, что Отец его не покинет, воскресит, вернет, стоит не изворотливое малодушие, не лукавство, а сила.

Библиографические ссылки

1. Мильтон Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец / Дж. Мильтон / пер. Арк. Штейнберга ; вступ.ст. А. А. Аникста; примеч. Одаховской. – М., 1976, 1982. – С. 5–24.

2. Milton J. Paradise Lost // Milton J. The Works / J. Milton. – Wordsworth ed., 1994. – P. 111–385.

3. Milton John: Introductions / Broadbent J. – Cambridge, 1973.

4. John Milton: Introductions / Daniels R., Dixon Hunt J., Maynard W. – L., 1973.

5. Milton/Ed. Rudram A. – L., 1968.

6. Milton: The Critical Heritage / J.T. Shawcross. – L., 1972.

Надійшла до редколегії 2.11.2012 р.

УДК 821.111(71)

М. Ю. Волкова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ОСОБЛИВОСТІ ВТІЛЕННЯ КАЗКОВИХ МОТИВІВ У НОВЕЛІ В. ІРВІНГА «ЛЕГЕНДА ПРО РОЗУ АЛЬГАМБРИ»

Розглянуто головні казкові мотиви в новелі В. Ірвінга «Легенда про розу Альгамбри».

Ключові слова: мотив, казковий елемент, новела, образ, іронія.